
Провизор в мире магии
Зелья без рецепта

Руслан Куликов

Провизор в мире магии. Зелья без рецепта

«Автор»
2026

Куликов Р.

Провизор в мире магии. Зелья без рецепта / Р. Куликов — «Автор», 2026

Валентина Зорина девятнадцать лет стоит за аптечным прилавком и твёрдо знает: без рецепта — ни таблетки. Однажды ночью она отказывает странной старухе и просыпается в городе Вельмира, в заброшенной лавке зелий. Над дверью — вывеска с её именем, на прилавке — долг в триста серебряных чешуек, подписанный её рукой. Если не расплатиться до Хлебной луны, лавку заберёт меняла. Вместе с хозяйкой.У Вали есть аптечка, медные весы и мандрагора Груня, которая ругается как базарная торговка. Против неё Гильдия алхимиков, которая продаёт сомнительные эликсиры втридорога, и капитан Надзора за чародейством, пришедший её закрыть. А по городу ползёт серая хворь, и виноватой хотят сделать чужачку.Как выжить в мире, где у зелья должна быть печать, а не инструкция? И кто перенёс сюда провизора и зачем?

© Куликов Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ночная смена 5
Глава 2. Лавка с долгами 9
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Руслан Куликов
Провизор в мире магии. Зелья без рецепта

Глава 1. Ночная смена

— Девушка, ну войдите в положение. Мне для сердца.

Толик стоял у окошка ночной кассы и держался за грудь не с той стороны. Валентина Сергеевна посмотрела на него поверх очков, потом на часы над дверью. Без двадцати два. Толик приходил по средам и пятницам, а сегодня был четверг, и это её почти встревожило.

— Сердце у вас, Анатолий, слева, — сказала она. — А настойка боярышника кончилась.

— Как кончилась? В аптеке?

— Вот так. Всю партию забрали на опыты.

— Какие опыты?

— Секретные. Валидол дать?

Толик подумал, пошевелил губами и переложил ладонь на нужную сторону, будто это могло что-то исправить. Валя ждала. Двенадцать лет ночных смен научили её главному: человек у окошка должен сам дойти до мысли, что ему пора домой.

— А спиртовой лосьон для рук? — с надеждой спросил он.

— Есть крем. Детский. С ромашкой.

— Злая ты, Сергеевна.

— По показаниям, — согласилась Валя и закрыла окошко.

Толик постоял ещё, глядя на неё сквозь стекло с видом обманутого вкладчика, и побрёл в темноту, к остановке, где фонарь горел через раз. Валя проводила его взглядом и вернулась к накладным.

Аптека на Ленина в Кимрах работала круглосуточно с тех пор, как в городе закрылась последняя дежурная поликлиника. Днём сюда шли за лекарствами, ночью за всем остальным: за советом, за сочувствием, за возможностью постоять в тепле и поговорить с живым человеком. Заведующая, Тамара Петровна, этого не одобряла и обклеила зал жёлтыми бумажками. «ВЫКЛЮЧИ ЧАЙНИК». «НЕ КОРМИ КОТА С КРЫЛЬЦА». «В ДОЛГ НЕ ДАЁМ, ВАЛЯ, ЭТО ТЕБЯ КАСАЕТСЯ». Последняя висела прямо над кассой. Валя её не снимала: заслужила.

Она пересчитала коробки с бинтами, сверила номера серий, поставила галочку. Галочки она ставила одинаковые, с ровным хвостиком вправо, и коллеги из дневной смены дразнили её «прибором». Валя не обижалась. Прибор не ошибается. Однажды она ошиблась, и с тех пор не позволяла себе ничего, что нельзя проверить дважды.

Дверь звякнула колокольчиком.

Колокольчик Валя повесила сама, вопреки Тамаре Петровне, потому что ночью человек входит тихо, а увидеть его надо сразу. Сейчас он не звякнул даже, а тренькнул, коротко и как-то вопросительно, будто его тронули пальцем.

У окошка стояла старуха.

Маленькая, в тёмной шали, накинутой поверх чего-то длинного и серого, совсем не по кимрскому ноябрю. Лицо у неё было смуглое, в мелких морщинах, как печёное яблоко, а глаза светлые, почти прозрачные. Пахло от неё сеном и почему-то яблоками.

— Доброй ночи, — сказала Валя. — Слушаю вас.

— Доброй, доброй. — Старуха положила на прилавок свёрток. — Мне бы вот это отвесить.

Свёрток оказался куском тонкой кожи, исписанной коричневыми чернилами. Буквы прыгали. Валя сначала решила, что это церковнославянский, потом — что это вообще не алфавит,

а узор. Потом моргнула и прочитала вполне отчётливо: «Корень ясноглаза — три доли. Лист сонной мяты — доля с четвертью. Мера — та, что знает рука».

Она сняла очки, протёрла их о халат и надела снова. Текст никуда не делся.

— Это что? — спросила она.

— Рецепт, — удивилась старуха. — Ты же рецепт любишь.

— Рецепт, бабушка, выписывает врач. С печатью, подписью и датой. А это… — Валя повертела кожу. — Это фольклор. Ясноглаза у нас нет. Сонной мяты тоже. Есть мята перечная, фильтр-пакеты, двадцать штук.

— Мне не надо двадцать штук. Мне надо, чтобы ты отвесила.

— Я провизор, а не травница.

— Так я и пришла к провизору, — терпеливо сказала старуха. — Травниц у меня своих хватало.

Валя вздохнула. Ночь, конечно, приводит разных людей. Были у неё и девушки, просившие приворотное, и мужчина, который требовал продать ему «таблетку от жены». Был студент, который полчаса объяснял, что гомеопатия — это квантовая физика. Старуха среди них была ещё не самой странной. Но тон у неё был не просительный. Таким тоном пришедший на склад начальник говорит: «Покажите мне вашу документацию».

— Без рецепта врача я вам ничего отвешивать не буду, — сказала Валя. — Даже если бы было что. Хотите, чаю налью? Вы откуда такая, без пальто?

— Издалека. — Старуха не обратила на чай никакого внимания. Она смотрела на Валю внимательно, словно на прилавке перед ней лежал товар, который надо выбрать без брака. — А ты строгая. Это хорошо. Двенадцать лет назад ты тоже была строгая?

Валя положила ручку.

— В смысле?

— В прямом. Двенадцать лет назад, в апреле. Сухой кашель, женщина шестидесяти лет, врач написал дозу с лишним нулём. Ты отпустила. Торопилась, очередь была до дверей.

Слова прозвучали спокойно, как сводка погоды. Валя почувствовала, что пальцы у неё стали холодными, хотя батарея за спиной грела так, что на ней сох шарф.

Нина Аркадьевна. Сорок минут в реанимации. Валя потом три недели ходила к ней в больницу с апельсинами, и Нина Аркадьевна каждый раз говорила: «Деточка, ну что ты, это же врач напутал». А Валя каждый раз думала: врач напутал, а ты должна была увидеть. Для того ты здесь и стоишь, чтобы видеть.

— Кто вы такая? — спросила она тихо.

— Та, кому нужна рука, которая видит. — Старуха забрала кожу со стойки и спрятала под шаль. — Ну, раз не отвесишь, то хоть подержи.

Из рукава у неё скользнула склянка. Маленькая, пузатая, с пробкой из воска, внутри что-то плескалось, зелёное с золотом, как вода в пруду, когда на неё падает солнце. Старуха подтолкнула её в окошко.

Склянка покатилась по прилавку прямо к краю. Валя поймала её на лету, потому что ловить падающее она умела лучше всего на свете: флаконы, ампулы, градусники, чужие очки. Стекло оказалось тёплым. И тонким. Слишком тонким.

Оно хрустнуло у неё в ладони, как яичная скорлупа.

Запахло мокрой бумагой, мятой и чем-то ещё, похожим на нагретую медь. Свет ударил снизу, от рук, белый и плотный. Валя успела подумать две вещи: что порезалась и что Тамара Петровна вычтет за склянку, которой нет в накладных. Потом свет поднялся до глаз, и мысли кончились.

* * *

Первым вернулся нос.

Пахло пылью — не аптечной, стерильно-сухой, а старой и мягкой, которая лежит годами и успевает обзавестись собственным характером. Ещё пахло сушёными травами, сразу всеми: полынью, ромашкой, чем-то смолистым и чем-то горьким, чему Валя не знала названия. Потом вернулась спина и сообщила, что лежит на досках. Доски были неровные, одна упиралась прямо в лопатку.

Валя открыла глаза.

Над ней висели пучки. Десятки, сотни пучков, привязанных к балкам бечёвкой, серые от пыли, некоторые совсем истлевшие. Между ними качалась паутина, большая и пустая, хозяин давно съехал. Свет шёл сбоку, косой и жёлтый, из окна с мутными стёклами в мелком переплёте.

Она села. Голова не кружилась, что было подозрительно. Она осмотрела ладонь: ни пореза, ни крови, ни осколков. Кожа чистая, только пахнет мятой.

— Так, — сказала Валя вслух. — Давайте по порядку.

Голос прозвучал нормально. Уже хорошо.

На ней был её рабочий халат, белый, с вышитым на кармане «В. С. Зорина, провизор». Под халатом — свитер, джинсы, удобные туфли на плоской подошве. Рядом на полу лежала её сумка, коричневая, потёртая, та самая, над которой смеялись все коллеги, потому что в ней Валя носила аптечку «на все случаи жизни». Валя подтянула сумку к себе, расстегнула и проверила. Аптечка на месте. Кошелёк на месте. Телефон.

Телефон показывал «нет сети» и время — 01:52. Валя смотрела на цифры, пока они не сменились на 01:53. Солнце в окне явно считало иначе.

Она встала, держась за прилавок.

Прилавок был тяжёлый, дубовый, исцарапанный за много лет. За ним поднимался до потолка шкаф с ящичками, маленькими, на латунных ручках, и на каждом ящичке была табличка. Валя подошла ближе. Буквы на табличках были те же, что на коже у старухи, прыгающие, похожие на узор. И она снова их прочла, не сразу, а будто глаза сначала споткнулись, а потом пошли ровно. «Корень лютика сухой». «Кора ивы». «Пыльца звездоцвета — НЕ НЮХАТЬ».

— Не нюхать, — повторила Валя. — Разумно.

На прилавке стояли весы. Настоящие аптекарские, медные, с двумя чашками на цепочках и коробкой гирек. Гирьки лежали в бархатных гнёздах, каждая на своём месте. Одного гнезда не хватало. Валя машинально провела пальцем по пустой ямке и тут же отдёрнула руку: у неё появилось странное ощущение, будто она знает, сколько та гирька весила. Без цифр, просто знает, как знаешь, сколько весит собственная ложка.

Она отошла от весов на шаг.

— Это сон, — сказала Валя. — Или инсульт. Если инсульт, то надо проверить: улыбнуться, поднять руки, сказать фразу.

Она улыбнулась пыльным пучкам. Подняла обе руки. Сказала:

— Тамара Петровна, я не брала печенье из коробки для проверяющих.

Всё получилось. Обе руки поднялись, улыбка вышла симметричная, а фраза, к сожалению, лживая. Значит, не инсульт.

В лавке была ещё одна дверь, за прилавком, низкая. Валя заглянула: лестница вниз, в темноту, оттуда тянуло холодом и землёй. Погреб. Спускаться она не стала. Рядом другая лестница, наверх, узкая и скрипучая; там, судя по всему, жилая комната. Валя решила, что её очередь тоже потом. Сначала надо выяснить, где «здесь» и как отсюда попадают в Кимры.

Входная дверь была заперта изнутри на засов. Валя отодвинула его, на это ушло две попытки и один сломанный ноготь, и толкнула дверь плечом.

Улица ударила в неё звуком.

Кто-то кричал «Рыба! Рыба речная, утрешняя!», кто-то ругался, скрипели колёса, блеяла коза, совсем рядом, как будто прямо в ухо. Валя повернула голову: коза и правда стояла у крыльца, белая, рогатая, и задумчиво жевала угол чьей-то корзины. Хозяйка корзины, круглая женщина в полосатом переднике, лупила козу по спине пучком лука и не добивалась ничего.

Улица была узкая, мощённая камнем, неровным, будто его клали на глаз. Дома стояли вплотную друг к другу, двух- и трёхэтажные, деревянные сверху и каменные снизу. Верхние этажи нависали над нижними, и от этого улица казалась коридором. В конце коридора блестела вода, широкая, медленная, и над ней поднимался мост с домиками прямо на пролётах. Ещё дальше, над крышами, торчала башня с часами. Стрелки показывали без десяти девять.

Пахло рыбой, хлебом, навозом и рекой.

— Не Кимры, — сказала Валя.

Женщина с луком оглянулась на неё. Окинула взглядом белый халат, очки на цепочке, туфли. Задержалась на рыжих волосах.

— Ты чья будешь? — спросила она.

— Я… — Валя хотела сказать «из аптеки», но не успела.

— Хозяйка! — заорал откуда-то сверху мальчишка. Он сидел на крыше соседнего дома верхом на коньке и болтал ногами. — Тётка Марфа, глянь! У Миртиной лавки хозяйка нашлась! Открыла-ась!

Женщина с луком перестала бить козу. Коза перестала жевать. Двое мужчин, тащивших бочку, остановились и опустили её на камни. Из окна напротив высунулась голова в чепце, за ней ещё одна, без чепца, но с бородой.

Валя ощутила, что на неё смотрит вся улица, и сделала то, что делала всегда, когда на неё смотрели слишком многие: поправила очки и выпрямилась.

— Никакая я не хозяйка, — сказала она. — Я тут случайно. Подскажите, пожалуйста, это какой город?

— Вельмира, — сказала Марфа таким тоном, будто Валя спросила, какого цвета небо. — А как же не хозяйка? Вон и написано.

Она показала луком наверх, над Валиной головой.

Валя отступила на мостовую, на два шага, на три, чуть не споткнулась о козу. Задрала голову.

Над дверью висела вывеска. Старая доска, тёмная, потрескавшаяся от дождей, а по ней свежей, ещё блестящей зелёной краской, теми самыми прыгающими буквами было выведено:

«ЗЕЛЬЯ В. ЗОРИНОЙ»

С последней буквы на крыльцо всё ещё стекала капля.

Глава 2. Лавка с долгами

— Поливать кто будет, а? Я тебя спрашиваю, рыжая! Поливать!

Валя захлопнула за собой дверь и задвинула засов, прежде чем поняла, что кричат не с улицы.

Кричали с подоконника.

Там стоял горшок. Глиняный, треснувший пополам и стянутый поверху проволокой. Из горшка торчали листья, широкие и мятые, закрученные на кончиках, как бигуди у соседки по лестничной клетке. Под листьями из земли высовывалось что-то бурое и морщинистое, похожее на корень хрена, только с глазами. Глаза были маленькие, чёрные и очень злые.

— Двадцать зим! — сообщил корень. — Двадцать зим ни капли! Мох вон на мне вырос, гляди! Мох!

— Вижу, — сказала Валя.

— Видит она. Видеть всякий горазд. Ведро в углу, колодец во дворе, дальше сама сообразишь или тебе бумажку написать?

Валя прислонилась спиной к двери. Дверь была надёжная, дубовая, а за ней шумела Вельмира, город, которого не существовало ни в одном атласе, что Валя видела в жизни. Перед ней на подоконнике ругался корень. Прибор внутри неё, тот, что ставил ровные галочки, щёлкнул и выдал единственное разумное решение: если пациент просит воды, дай ему воды, а потом разбирайся с диагнозом.

Ведро действительно стояло в углу. Колодец действительно нашёлся во дворе, за задней дверью, маленький, с воротом и замшелой крышкой. Вода в нём была ледяная и пахла камнем. Валя вылила полведра в горшок, медленно, по кругу, как поливала бы фикус в аптеке, если бы Тамара Петровна разрешала держать фикусы.

Корень зажмурился и задышал, громко, с присвистом.

— Ещё, — сказал он.

— Перелить можно. Корни сгниют.

— Ишь ты. Понимающая. — Один чёрный глаз приоткрылся. — Ладно. Груня я.

— Валентина.

— Знаю я, кто ты. На вывеске написано.

— Кто написал вывеску?

— А я почём знаю? Я сплю по ночам, в отличие от некоторых.

— Вы же сказали, что двадцать зим тут сухо. И что, никто не входил?

— Никто, — подтвердила Груня. — Двадцать зим только мыши. А нынче под утро ка-ак шарахнет светом! Я чуть из горшка не выпала. Гляжу: ты на полу лежишь, вся белая, в этом своём балахоне. Думала, покойница. Думала, вот, принесли мне покойницу на соседство, совсем совести нет у людей.

— Я не покойница.

— Вижу уже. — Груня зашевелила листьями, расправляя бигуди. — А ты кто вообще? Травница?

— Провизор.

— Чего?

Валя открыла рот, чтобы объяснить, и закрыла. Как объяснить мандрагоре, что такое фармацевтический факультет, госэкзамен и сорок три листа должностной инструкции?

— Аптекарь, — сказала она. — Лекарства продаю. Отпускаю, точнее.

— Зелья, что ли?

— Таблетки.

— Не знаю такого. — Груня подумала. — Таблетки. Тьфу. Звучит как болезнь.

* * *

На то, чтобы обойти лавку, у Вали ушло полчаса. Она делала это так, как сделала бы в новой аптеке, куда её перевели бы без предупреждения: от входа по часовой стрелке, ничего не трогая без надобности, всё запоминая.

Торговый зал: прилавок, весы, шкаф с ящичками, полки с банками. Банок оказалось сто двадцать восемь, Валя посчитала. В тридцати что-то было, в остальных — пыль и засохшие разводы. Одна банка, тёмно-синяя, с притёртой пробкой, оказалась тёплой на ощупь. Валя поставила её обратно на полку очень аккуратно и решила пока к ней не прикасаться.

Наверху — комната с узкой кроватью, сундуком и умывальником. На кровати лежало лоскутное одеяло, на удивление чистое, будто его постелили недавно. В сундуке нашлись две рубахи, юбка тёмно-зелёного сукна, шерстяной платок и пара деревянных башмаков. Размер подходил. Это Валю не обрадовало: слишком уж всё подходило.

Погреб она отложила снова.

А под весами, в узком ящике, о котором она бы не догадалась, если бы не задела коленом выступ, лежала бумага.

Плотная, желтоватая, сложенная вдвое, придавленная той самой недостающей гирькой. Гирька встала в пустое бархатное гнездо с тихим щелчком, и Валя почувствовала, как у неё внутри что-то тоже встало на место, ровно, как деталь в механизм. Ощущение было приятное и пугающее одновременно. Она развернула бумагу.

«Сим удостоверяется, что лавка зельевая на Солодовой улице, с товаром, утварью, погребом и долгами переходит во владение В. Зориной. Долг лавки перед менялой Ойгеном Скриппом составляет триста серебряных чешуек и подлежит уплате до Хлебной луны. При неуплате лавка отходит меняле Скриппу со всем содержимым, включая хозяйку, в счёт отработки».

Ниже стояла подпись.

Валя смотрела на неё долго.

Подпись была её. Не похожая, не подделанная, а её собственная, с длинной петлёй у «З» и с хвостиком, загнутым вправо, точно таким, какой она ставила на галочках. Чернила были свежие, тёмно-коричневые. Дата — вчерашняя, если здешний календарь хоть как-то совпадал с кимрским.

— Груня, — позвала она. — Что такое Хлебная луна?

— Полнолуние, когда первый хлеб пекут с нового зерна. А что?

— Когда она будет?

— Так через месяц, ну, без пары дней. Ты мне скажи, чего ты такая бледная? Опять в обморок собралась? Только не на меня падай, у меня горшок треснутый.

— «Включая хозяйку», — прочла Валя вслух. — «В счёт отработки».

— А, Скрипп. — Груня понимающе пошевелила листьями. — Тот возьмёт. Тот и мёртвого возьмёт, если тот задолжал. Он у Гильдии в кармане, а Гильдия у него в кармане, и где там чей карман, никто уже не разберёт.

— Триста чешуек — это много?

— Корова — пятнадцать. Дом на Солодовой — двести. Вот и считай, умница.

Валя посчитала. Двадцать коров. Полтора дома. У неё в кошельке было две тысячи четыреста рублей одной бумажкой и мелочью, бонусная карта сети «Здоровье плюс» и фотография кота, которого она подкармливала с крыльца вопреки Тамаре Петровне. Ни одна из этих вещей, скорее всего, здесь не считалась валютой.

Она положила бумагу на прилавок, расправила ладонью и прижала гирькой обратно. Потом сняла очки и потёрла переносицу.

— Хорошо, — сказала она. — Хорошо. Значит, нужна выручка.

— Чего нужна?

— Деньги, Груня. Нужно, чтобы кто-то пришёл и купил.

— Кто ж к тебе придёт? Ты ж ничего не умеешь.

Ответить Валя не успела. В дверь заколотили.

* * *

Колотили кулаком, громко и неровно, и вместе со стуком раздавался рёв, низкий, сквозь зубы, как у человека, который очень хочет закричать, но стесняется.

Валя отодвинула засов. На крыльце стоял мужчина размером с дверной проём, рыжебородый, в кожаном фартуке, прожжённом в нескольких местах. Правую руку он держал на весу, перед собой, и рука была замотана тряпкой. Тряпка блестела и пахла подсолнечным маслом.

— Ты хозяйка? — спросил мужчина. — Марфа сказала, хозяйка объявилась. Ведьмина, говорит, ученица, в белом.

— Я не ведьмина ученица. Что с рукой?

— Заготовку взял. Не той рукавицей. — Он скривился. — Знахарка сказала маслом. Я маслом. А оно хуже. Гильдейские до обеда не принимают, а у меня заказ на двенадцать подков к вечеру.

— Заходите. Сядьте вот сюда, на табурет. Как вас зовут?

— Борута. Кузнец я, с Подгорной.

— Борута, сейчас будет неприятно. Терпите.

Она размотала тряпку. Под ней была ладонь, красная, блестящая от масла, с двумя пузырями размером с ноготь у основания пальцев. Ожог второй степени, площадь небольшая, края чистые. Валя выдохнула. Хуже могло быть намного.

— Ведро, — сказала она через плечо.

— Мне? — возмутилась Груня с подоконника.

— Себе. Не обращайте внимания, Борута, это у меня мандрагора. Опустите руку сюда. Холодная вода, держать двадцать минут.

— Двадцать?!

— Двадцать. Масло — это вы зря. Масло держит жар внутри, как крышка на кастрюле. Вода его вытаскивает. Сидите.

Борута сидел и смотрел то на Валю, то на ведро, то на горшок с Груней, которая разглядывала его с откровенным интересом и даже вытянула корень из земли, чтобы лучше видеть.

— Здоровый, — сообщила Груня. — Кузнец, а руки не бережёт.

— Помолчи, трава, — сказал Борута, но без злости.

— Я не трава! Я Груня!

Пока шли двадцать минут, Валя расстегнула сумку и разложила на прилавке аптечку. Раствор хлоргексидина, сто миллилитров, половина флакона. Бинт стерильный, два. Салфетки марлевые, упаковка. Мазь с декспантенолом, туба, начатая. Пластырь. Ибупрофен, десять таблеток. Активированный уголь. Валидол, который она так и не продала Толику. Ножницы, пинцет, термометр. Она раскладывала их ровным рядом, слева направо, по мере применения, и чувствовала, как у неё перестают дрожать пальцы. Они дрожали всё утро, оказывается. Она заметила это только сейчас, когда перестали.

Борута смотрел на прозрачный флакон так, будто она достала из сумки живую рыбу.

— Это что? Зелье?

— Антисептик. Чтобы не было заразы.

— А печать где?

— Какая печать?

— Гильдейская. На зелье печать должна быть. Сургучная, с совой. Без печати — нельзя. Без печати — оно ж может что угодно.

— Это, — сказала Валя, — может только одно. Убивает микробов. Больше ничего, поверьте мне, я его девятнадцать лет продаю.

— Микробов, — повторил Борута с уважением, не понимая слова.

Через двадцать минут Валя вынула его руку из ведра, промокнула салфеткой, не задевая пузырей, обработала края, положила мазь толстым слоем и забинтовала, не туго, оставив пальцы свободными. Бинт лёг ровно, виток к витку. Она закрепила кончик и подняла глаза.

— Пузыри не прокалывать. Руку не мочить три дня. Завтра придёте, поменяю повязку. Если покраснение пойдёт выше запястья или поднимется жар, приходите сразу, хоть ночью. Ковать сегодня одной левой.

— Двенадцать подков…

— Одной левой, — повторила Валя. — Или подмастерья позовите.

Борута пошевелил пальцами внутри повязки. Посмотрел на неё. Пошевелил ещё.

— Не жжёт, — сказал он с подозрением.

— Мазь. Будет жечь через пару часов, когда пройдёт. Вот вам таблетка. Одна. Если станет совсем плохо — выпьете, запьёте водой. Не вином. Водой.

— Да какое вино, у меня заказ…

Он полез левой рукой за пазуху, долго возился, сопел и наконец положил на прилавок монету. Небольшую, серебряную, неровную по краю. На одной стороне была выбита рыба, на другой — какая-то башня. Монета была тонкая, чуть выгнутая, и правда похожая на рыбью чешуйку.

— Хватит? — спросил Борута.

Валя посмотрела на монету и вдруг поняла, что не знает. Девятнадцать лет она точно знала цену всему, что лежит на полках, до копейки, до розничной надбавки. А теперь не знала.

— Хватит, — сказала она. — Спасибо.

— Тебе спасибо. — Борута встал, заняв половину лавки, и пошёл к двери. На пороге обернулся. — Ты это… хозяйка. Про печать подумай. Гильдия узнает, что ты без печати лечишь, — не обрадуется.

— Я подумаю.

— Подумай. Магистр Медоуст — он ласковый. — Борута нахмурился. — А это хуже, чем когда злой.

Дверь закрылась. Монета лежала на прилавке и блестела в косом свете.

— Одна, — сказала Груня. — Осталось двести девяносто девять.

— Спасибо, Груня. Я умею вычитать.

* * *

К вечеру Валя знала о Вельмире больше, чем хотела.

Знала, что часы на ратушной башне отстают на семь минут и это знают все, поэтому встречу назначают «к девяти по ратуше», а приходят в девять ноль семь и считают это вежливым. Знала, что по чешуйке за пучок продают редиску, а по две — пирог с капустой. Пирог она купила у Марфы на ту самую монету и получила сдачу: горсть медных кружочков, которые здесь назывались «плавниками». Знала, что напротив живёт сапожник, а через дом — вдова, которая гадает по луку. Знала, что если пройти улицу до конца и свернуть к мосту, то будет площадь, а на площади стоит Гильдия алхимиков, белый дом с колоннами и совой над входом, и туда ходить не надо, потому что «там дорого и смотрят». Это сказала Марфа. Марфа вообще говорила много и охотно, особенно когда Валя покупала у неё пирог.

Про Кимры не знал никто. Про аптеку на Ленина — тоже.

Валя съела пирог за прилавком, с бумаги, отламывая куски, и думала. Она думала так, как учили на кафедре фармакологии, по схеме: что известно, что неизвестно, что можно проверить.

Известно: она здесь. Здесь — город, который никто никогда не нанёс бы на карту Тверской области. В городе есть лавка, в лавке её имя, на столе её подпись, и подпись эту она не ставила.

Неизвестно: кто её сюда отправил и как отсюда уйти. Старуха — да, но кто она такая и где её искать?

Можно проверить. Валя отодвинула бумагу с пирогом, подтянула к себе долговую расписку и положила рядом свой рабочий блокнот, который тоже нашёлся в сумке. Открыла на чистой странице. Расписалась.

Петля у «З». Хвостик вправо.

Она положила блокнот рядом с распиской и посмотрела на обе подписи. Одинаковые. Не похожие, а одинаковые, с одинаковым нажимом в начале и одинаковой кляксой в конце, где перо задерживается на миг дольше. Будто одна рука ставила их подряд.

А потом Валя заметила ещё одно.

Свою подпись в блокноте она поставила шариковой ручкой, синей, аптечной, с логотипом сети «Здоровье плюс» на колпачке. Но буквы, которые легли на бумагу, были не русские. Вернее, она прочла их как русские: «В. Зорина». Но написаны они были прыгающим здешним узором, тем самым, что на вывеске и на табличках ящиков.

Она взяла ручку и написала под подписью первое, что пришло в голову: «Выключи чайник». Слова легли узором. Валя прочла их по-русски.

— Груня, — сказала она очень спокойно, — ты мою речь как слышишь? Какими словами?

— Обыкновенными. Как у всех. Чудно только говоришь — «провизор», «таблетки». Будто иноземка.

Валя закрыла блокнот.

Значит, это не она выучила здешний язык. Это язык выучил её. Встроился в руку, в глаза, в рот, не спросив разрешения. Как та гирька в гнездо.

Она поднялась, прошла к двери и проверила засов. Потом обошла лавку ещё раз, теперь уже со свечой, которая нашлась в ящике под прилавком вместе с огнивом. Огниво Валя одолела с девятой попытки, сломав ещё один ноготь и выучив два новых ругательства от Груни. Банки на полках отбрасывали длинные тени. Тёмно-синяя банка, та, тёплая, при свете свечи оказалась ещё и с рисунком: на боку был выцарапан лист, обведённый кругом. Валя подумала, что видела похожий знак сегодня, на старых дверях вдоль улицы, полустёртый, как будто его пытались счистить ножом.

Она решила, что подумает об этом завтра.

Подниматься наверх, в комнату с чужой постелью, она не стала. Принесла с кровати лоскутное одеяло, постелила на широкую лавку у стены в торговом зале, сунула под голову свёрнутый халат. Отсюда была видна дверь. Отсюда было видно окно и Груню на подоконнике, тёмный силуэт с бигуди.

— Спокойной ночи, — сказала Валя.

— Свечу задуй. Мне свет в глаза.

Валя задула.

Темнота пахла травами и остывшим пирогом. За окном кто-то прошёл, стуча деревянными подошвами, где-то лаяла собака, потом перестала. Ратушные часы пробили одиннадцать, с опозданием, которое Валя теперь могла учесть. Она лежала с открытыми глазами и считала удары, потом считала банки по памяти, потом считала чешуйки: одна, минус пирог, плюс сдача, итого двести девяносто девять и семь плавников долга.

Под утро она провалилась в сон, и ей снился Толик, который стоял у окошка кассы и предлагал за настойку боярышника двадцать коров.

Разбудил её звук, тихий и шуршащий. Бумага по дереву.

Валя открыла глаза. В лавке было серо, рассвет только начинался. Под дверью белел прямоугольник.

Она встала, босиком прошла по холодным доскам, подняла его. Плотный, сложенный втрое лист, запечатанный бурым сургучом. На сургуче — сова, раскрывшая крылья.

Валя сломала печать.

«Особе, именующей себя В. Зориной.

Гильдии алхимиков города Вельмиры стало известно, что в лавке на Солодовой улице производится приготовление и продажа зелий без гильдейской печати, что является нарушением Закона о печати, статья вторая.

Предписываю прекратить незаконную деятельность и закрыть лавку в теч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.